

АРИСТОТЕЛЬ И АЛЕКСАНДР АФРОДИСИЙСКИЙ О РОСТЕ И РАСТУЩЕМ

В. В. ПЕТРОВ

Институт философии Российской Академии наук (Москва)
vpetroff@gmail.com

VALERY V. PETROFF

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ARISTOTLE AND ALEXANDER OF APHRODISIAS ON GROWTH AND GROWING

ABSTRACT. The article investigates the tradition of discussions focusing on growth and growing started by Aristotle and continued by Alexander of Aphrodisias, including the polemics concerning the identity of individual's changing body. It is shown that the questions of individual identity discussed already by Epicharmus and Plato, are treated in Aristotle in terms of the phenomenon of growth. In the *De generatione et corruptione* Aristotle argues that growth, being quantitative change, differs from the coming-to-be and qualitative alteration. What retains in the changing body is its *eidōs*, which is compared with elastic pipe (*aulos*) imposing form on the water flowing through it. The related arguments from Alexander of Aphrodisias' discussions of growth and growing are under consideration. According to Alexander, *eidōs*, as an unchangeable nature (due to the fact that it preserves its identity) may be subject of accidental changes (in this case, it varies in size). The author indicates relevant doctrinal and terminological parallels between Aristotle and Alexander.

KEYWORDS: Aristotle, Alexander of Aphrodisias, growth, change, generation, form (*eidōs*), identity, *De generatione et corruptione*.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе» (проект № 15-18-30005).

Традиция рассуждений о росте и растущем, а также о том, что при этом остаётся неизменным, имеет долгую историю. Аристотель, стоящий у её истоков, сосредоточен преимущественно на биологических аспектах проблемы. Тем не менее, его рассуждения можно рассматривать как этап долгого философского осмысления вопросов идентичности изменяющегося тела индивида.¹ Предметом настоящей статьи является анализ начального этапа указанной традиции.

---

¹ Об этом см. наши работы: Петров 2002, 2005а, 2005б, 2005в.

Впервые «парадокс растущего» сформулировал Эпихарм (нач. V в. до н. э.),² который спрашивал относительно человека, который меняется день ото дня, остается ли тот тем же или это всякий раз иной человек? Парадокс Эпихарма был развит софистами в «рассуждение о растущем», согласно которому растущее всегда становится чем-то иным. С тем, что растущее становится иным по сущности, не соглашался Плутарх, а также неизвестный автор комментария к *Теэтету* Платона, полагавшие, что подобное допущение ввергает все вещи «в гераклитову реку».³ Диоген Лаэртий цитирует Алкима, утверждавшего, что у Эпихарма Платон позаимствовал свое противопоставление неизменных идей вечно текущему чувственному существу.⁴ И сам Платон, рассуждая в «Теэтете» об изменчивости чувственных вещей, ссылается на мудрецов – Протагора, Гераклита, Эмпедокла, и поэтов – Эпихарма и Гомера.⁵ О текучести как телесного, так и мыслимого у человека Платон учит и в *Пире*:

«Даже за то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой – человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом, – оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе: ни у кого не остаются без перемен ни его привычки и нрав, ни мнения, ни желания, ни радости, ни горести, ни страхи, всегда что-то появляется, а что-то утрачивается... Мы никогда не бываем прежними и в отношении знаний... В отличие от божественного [смертное] не остается всегда одним и тем же, но, устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие [т. е. потомство]».⁶

Однако тот же Платон (возможно имея в виду рассуждения Эпихарма о числе) указывает, что идентичность человека для других людей сохраняется. При этом он предвосхищает современную теорию распознавания образов, говоря о том, что применительно к «качеству» и «образу» необходимо сохранения не всех, но лишь существенных признаков, обеспечивающих идентификацию объекта:

«Сократ. Если к десяти или любому другому числу что-то прибавить или отнять, тотчас получится другое число. Но у того, что характеризуется качеством и вообще **всяким изображением** (ποιῶν καὶ εἰκόνας) **совсем не такая правильность** (ὀρθότης), но, напротив, вовсе не нужно изображать (εἰκάζει) **все** черты, присущие предмету,

² Epich., *Fr.* 170 (Kaibel). Здесь и далее оригинальные тексты см.: TLG (1999). Переводчики цитируемых сочинений указаны в соответствующих сносках. Изменения, внесённые нами в переводы, специально не оговариваются.

³ Plut., *De sera num. vind.* 559B; Anon., *In Plat. Theaet.* 71, 12.

⁴ Diog. Laert., *Vit. phil.* (Long) III, 9–17. Скорее всего, Алким принадлежал следующему за Платоном поколению, см. Goulet 1989, 110–11.

⁵ Plato, *Theaet.* 152de. Ср. Heracl. 22 B 91 (Diels–Kranz).

⁶ Plato *Symp.* 207d – 208b; Апт 1993, 118–119.

чтобы получить образ... Будут ли это две разные вещи (πράγματα) – Кратил и изображение Кратила, если кто-либо из богов воспроизведет не только цвет и очертания (σχήμα ἀπεικάζειεν) твоего тела, как это делают живописцы, но и все, что внутри, – создаст мягкость и теплоту, движения, твою душу и разум (ψυχήν καὶ φρόνησιν)... Будет ли это Кратил и изображение Кратила, или это будут два Кратила? **Кратил.** Два Кратила... **Сократ.** Пока сохраняется тип вещи (τύπος τοῦ πράγματος)... пусть отражено и не все подобающее (τὰ προσήκοντα), все равно можно вести речь о данной вещи».⁷

Полное воспроизведение объекта означает создание его дубликата, тогда как образ должен воспроизводить лишь основные черты – тип (оттиск) оригинала, чтобы обеспечить возможность корректного соотнесения образа с оригиналом.

Применительно к паре душа тело Платон однажды высказывает мнение (от лица Кебета в «Федоне»), что, поскольку земное тело непрестанно снашивается, душа непрерывно воспроизводит и формирует его заново; поэтому можно сказать, что душа снашивает много тел:

«Душа снашивает много тел, в особенности если живет много лет: тело ведь изнашивается и отмирает еще при жизни человека, и, стало быть, душа беспрерывно тклет заново, заменяя сношенное. И когда душа погибает, последняя одежда на ней непременно должна быть цела – она одна только и переживает душу. Лишь после гибели души обнаруживает тело природную свою слабость и скоро истребляется тлением».⁸

Аристотель не занимался специально проблемой идентичности, но в разных своих сочинениях обсуждает проблематику, так или иначе с ней соотносящуюся.⁹ В частности, этому посвящена глава «О росте» (Περὶ αὐξήσεως) трактата «О возникновении и уничтожении» I, 5 (320a8 – 322a 33).¹⁰ В ней рассуждение о росте содержит полемику как с атомистами (утверждавшими наличие дискретности и пустоты), так и стоиками (апории Зенона относительно возрастающего). Рост предполагает пространственно-временную непрерывность перетекания, связывающего две телесные массы, различные по виду и схожие по роду. Устойчивость формы обеспечивается не только концепцией непрерывности, развитой в *Физике* VI (и оспаривавшейся атомистами), но биологическими феноменами. Аристотель начинает с вопроса о том, «чем рост

⁷ Plato, *Crat.* 432a – 433a; Васильева 1990, 670–72.

⁸ Plato, *Phaedo* 87de; Маркиш 1993, 44.

⁹ Ср. Anscombe 1953, 83–96 [repr.: Barnes; Schofield; Sorabji (eds.) 1979, 88–95]. См. также: Lloyd 1972, 519–29.

¹⁰ При изложении учения Аристотеля о росте я опираюсь на работу: Rashed 2005, xi–clxxxvi.

(αὔξησις) отличается от возникновения и качественного изменения (γενέσεως καὶ ἀλλοιώσεως)» (320a8).¹¹

Важно, что Аристотель начинает с роста в его метрическом аспекте, понимая под ним количественное изменение» (320a14–15).¹² Аристотель считает, что:

«...рост – это увеличение **имеющейся** величины (ἐνυπάρχοντος μεγέθους)... Растущее должно уже иметь какую-то величину, так что рост не должен рассматриваться как величина, ставшая действительностью (εἰς ἐντελέθειαν) из лишней величины материи (ἀμεγέθους ὕλης), иначе это было бы скорее возникновение (γένεσις) тела, чем рост (αὔξησις)».¹³

При росте должны соблюдаться три условия:

«Растущее и убывающее должны сохранять то, что присуще их **логосу** (σῶζειν τῷ λόγῳ τὰ ὑπάρχοντα). Речь идет о трех вещах: во-первых, любая часть возрастающей величины (αὐξανομένου μεγέθους) становится больше, например если это плоть, то увеличивается любая часть плоти; во-вторых, происходит прибавление чего-то (προσιόντος τινός); в-третьих, растущее остается и сохраняется (σωζομένου καὶ ὑπομένουτος)».¹⁴

Аристотель говорит, что при возникновении или уничтожении объект не сохраняет (οὐχ ὑπομένει) свою идентичность. Напротив, при качественном изменении (ἐν τῷ ἀλλοιοῦσθαι) или росте он остается тем же (ὑπομένει τὸ αὐτὸ), но в первом случае изменяется свойство (τὸ πάθος), а во втором – величина (321a22–26). При качественном изменении плоть изменяется, если она остается плотью и ее сущность (τὸ τί ἐστι) сохраняется, но приобретает одно из существенных свойств (πάθος τι ὑπάρχει τῶν καθ' αὐτό), которого раньше не было (321b2–4). Говоря о количественном росте, Аристотель замечает:

«...если растущее сохраняется и растет оттого, что [к нему] что-то прибавляется, то это рост, а если убавляется – то это убыль... Любой воспринимаемый чувствами признак (σημεῖον αἰσθητὸν) [при этом] становится больше или меньше».¹⁵

В этом отрывке важно, что речь идет не только об объективном увеличении растущего в размерах, но и о том, что это фиксируется наблюдателем, усматривающем возрастание чувственно-воспринимаемых признаков.

¹¹ Относительно мнений аристотеликов по поводу природы души и отношения её к телу см. Афонасин 2015, 231–32; Петрова 2015, 61–62.

¹² Arist., *De generat. et corrupt.* 320a28–29: «Рост и убыль, надо полагать, касаются величины».

¹³ Arist., *De generat. et corrupt.* 320b30–34, Миллер 1981, 397.

¹⁴ Ibid. 321a17–22, Миллер 1981, 398.

¹⁵ Ibid. 321b12–15, Миллер 1981, 399.

Говоря о неподобчастных, т. е. о частях природного тела, имеющих особую форму, Аристотель замечает, что «плоть, кость и любая из подобных частей... имеют в материи свой эйдос (ἐν ὕλῃ εἶδος)». При этом присутствует омонимия: плотью или костью называется как материя, так и эйдос (ἡ ὕλη λέγεται καὶ τὸ εἶδος).¹⁶

Далее Аристотель приводит пример, который будет воспроизводиться в последующей традиции. Говоря о том, что материя тела текуча, и испытывает постоянные прибавления (за счет питания) и убавления (за счет естественных выделений), он отмечает, что идентичность при этом сохраняет эйдос тела, который лишь изменяется по величине:

«Можно допустить, что при добавлении чего-то эйдос возрастает в любой своей части, материя же не возрастает. Рассуждать здесь надо так же, как если бы кто мерил воду одной и той же мерой (μέτρῳ): ведь здесь все время возникает новое и новое. Так растет и материя плоти: не к любой ее части добавляется (προσγίνεται) [новое], но одно утекает (ὕπεκρεῖ), а другое приходит (προσέρχεται), форма же и эйдос (τοῦ δὲ σχήματος καὶ τοῦ εἶδους) [возрастают] в любой своей части».¹⁷

Эйдоса касается и еще одно важное замечание Аристотеля. Эйдос является активным началом, он представлен как действующая в материи сила. При этом эйдос сравнивается с эластичной трубкой, которая оформляет протекающую через него воду. В зависимости от количества протекающей воды трубка может растягиваться и сжиматься, но сохраняет отличительные признаки своей формы, обеспечивающие идентичность:

«Эйдос без материи (τὸ εἶδος ἄνευ ὕλης) есть некая сила, которая находится в материи (δύναμις τις ἐν ὕλῃ), подобно [какой-то] трубке (αὐλός). Когда же присоединяется какая-либо материя, которая в возможности есть [такая] трубка и при этом обладает в возможности количеством (τὸ ποσόν), то эти трубки станут больше (μείζους)».¹⁸

Далее Аристотель видимо подразумевает усыхание тела при старении. Если эйдос природного тела со временем утрачивает свою силу (непрерывно текущая через него вода как бы размывает его силу и формообразующую способность). Хотя эйдос сохраняет узнаваемость, он уменьшается в размерах:

«Если же [эйдос] больше уже не способен к действию (ποιεῖν), то (подобно воде, которая, будучи смешиваема с вином, делает его водянистым и в конце концов пре-

¹⁶ Ibid. 321b19–22.

¹⁷ Ibid. 321b22–28, Миллер 1981, 399.

¹⁸ Ibid. 322a28–31, Миллер 1981, 401.

вращает в воду) происходит уменьшение количества (ποσοῦ), хотя эйдос сохраняется (τὸ εἶδος μένει)».¹⁹

Аристотель, видимо, полагает, что уменьшение силы эйдоса компенсируется уменьшением количества материи, которую он контролирует и оформляет.

К сожалению, не сохранился комментарий Александра Афродисийского на «О возникновении и уничтожении» Аристотеля.²⁰ Греческий текст комментария утрачен, однако аргументы Александра доступны по другим источникам. Аристотелевскому учению о росте посвящены:

- 1) последняя глава трактата Александра «О смешении», и его же
- 2) *Quaestio* 1. 5 (Почему рост относится к форме, а не к форме и материи)²¹;
- 3) арабский трактат о росте, отправляющийся от александровского;
- 4) пространные цитаты в комментарии Филопона на «О возникновении и уничтожении»;
- 5) цитаты у Аверроэса в Коротком и Среднем комментарии «О возникновении и уничтожении».

Часть того, что Филопон пишет о форме и материи применительно к росту – это парафраз комментария Александра.²² Это относится к доктринальным и терминологическим параллелям,²³ в частности, к яркой параллели с кишкой в рассуждении о росте.²⁴

Полемизируя со стоиками, Александр пишет, что будет излагать учение (δόξαν) Аристотеля о росте и питании (περὶ αὐξήσεως τε καὶ τροφῆς).²⁵ Он замечает, что все растущее растет за счет прихода чего-то извне.²⁶ Для Александра важно выяснить, что именно растёт, т. е. «что такое растущее» (τί ποτέ ἐστὶ τὸ αὐξόμενον)? Растёт то, что, с одной стороны, принимает прибавление, а с дру-

¹⁹ Ibid. 322a31–33; Миллер 1981, 401.

²⁰ Kupreeva 2004, 297–334.

²¹ Cf. Bruns 1892, *Alex. Aphrod., Quaest.* 1, 5, 13, 9–32 – Sharples 1992, *Alex. of Aphrod., Quaest.* 1, 1–2, 15, 36–7. Параллели к аргументации в сохранившемся по-гречески *Quaestio* 1, 5 и его арабском переводе содержатся у Филопона – см. Vitelli 1897, *Joan. Philop. In Arist. de generat. et corrupt.* 106, 3–11.

²² Kupreeva 2004, 314–15.

²³ Cf. Vitelli 1897, *Joan. Philop., In Arist. de generat. et corrupt.* 105, 2–9 – Bruns 1892, *Alex. Aphrod., De mixt.* XVI, 235, 21–34; Vitelli 1897, *Joan. Philop., In Arist. de generat. et corrupt.* 106, 3–11 – Bruns 1892, *Alex. Aphrod., Quaest.* 1, 5, 13, 11–17.

²⁴ Этого слова нет у Аристотеля, но его использует Александр. См.: Bruns 1892, *Alex. Aphrod., De mixt.* XVI, 237, 28, 32; 238, 6, 9.

²⁵ Bruns 1892, *Alex. Aphrod., De mixt.* XVI, 233, 23–24: «Я должен изложить учение Аристотеля о росте и питании», ἐκθέμενος τὴν Ἀριστοτέλους δόξαν τὴν περὶ αὐξήσεως τε καὶ τροφῆς.

²⁶ Bruns 1892, *Alex. Aphrod., De mixt.* XVI, 233, 30–31.

гой – остается тем же самым, сохраняя собственную природу. Поэтому не считается растущим то, что превращается в некое другое тело, большее по объёму. Поэтому растёт тело, которое сохраняется и остаётся самим собой, но не пища.²⁷

Александр поясняет, каким образом связаны усвоение (прибавление) пищи и рост отдельных органов тела, привлекая понятие подобочастных (плоть, кости, кровь) и неподобчастных (лицо, рука):

«Примешиваемая (προσκρινομένη) пища примешивается не так, что становится лицом или рукой, но превращается (μεταβάλλουσα) в плоть, кости или каждое из других подобочастных (ὁμοιομερῶν) и, примешиваясь к ним, становится причиной роста всего тела».²⁸

Далее Александр продолжает выяснение того, что же всё-таки возрастает, и что остаётся неизменным, различая плоть как форму и плоть как материю:

«Когда мы говорим, что плоть течёт и непрерывно прибывает и убывает, мы говорим, что плоть претерпевает всё это по материи. С другой стороны, когда мы говорим, что плоть остаётся (μένειν) той же самой, мы берём плоть применительно к эйдосу и утверждаем это в отношении эйдоса (ἀπὸ τοῦ εἶδους καὶ κατὰ τὸ εἶδος). Ибо всё, что имеет бытие в материи, по материи всякий раз делается разным, потому что она никогда не остаётся (μένειν) той же самой нумерически, но непрерывно превращается (μεταβάλλουσάν) по своим частям, и всякий раз становится иной, однако по своему эйдосу каждая вещь нумерически остаётся сама собой. Ибо это в отношении эйдоса плоть остаётся той же самой нумерически. И пусть одно из подлежащей (ὑποβεβλημένης) материи убывает, а другое прибывает, нечто в ней остаётся неизменным (μένον ἐν αὐτῷ): **сохраняется эйдос плоти** (φυλάσσει τὸ τῆς σαρκὸς εἶδος), препятствующий ей совершенно исчезнуть в череде изменений. Ибо существо (τὸ εἶναι) плоти не в такой вот определённой величине, которая как раз и не остаётся той же самой из-за течения (ῥύσιν) материи, а в таком вот эйдосе (ἐν τῷ εἶδει τῷ τοῦδε), который остаётся тем же (ταὐτὸν μένει), пока сохраняется хоть что-то от плоти...».²⁹

Итак, Александр говорит, что плоть текуча по материи, но остаётся той же самой применительно к эйдосу и в отношении эйдоса. В притоках и оттоках материи, которые претерпевает одушевлённое тело, «эйдос плоти» остаётся неизменным. В нем и состоит существо плоти.

Далее, Александр подчеркивает, что говорить о росте можно только применительно к «эйдосу» плоти,³⁰ поскольку именно он есть нечто стабильное,

²⁷ Ibid. 234, 2–7.

²⁸ Ibid. 235, 10–12, перевод наш. Cf. Ibid. 238, 10–13: «Примешивание (πρόκρισις) пищи к питающемуся происходит через превращение (κατὰ μεταβολήν), которое уподобляет (ἐξομοιοῦμένης) её питающемуся», перевод наш.

²⁹ Ibid. 235, 21–33, перевод наш.

³⁰ Ibid. 236, 4: «Рост происходит в отношении эйдоса (κατὰ τὸ εἶδος)... Ибо он-то и

а потому можно говорить о его количественных изменениях. Напротив, материя всякий раз иная, и относительно неё нельзя сказать ничего. Таким образом, именно в силу того, что эйдос неизменен как сущность (в силу того, что он сохраняет свою идентичность), эйдос может являться субъектом акцидентальных изменений (в данном случае – по количеству).

Продолжая объяснять механизм питания и роста организма, а также сохранения у растущего его особенных форм, Александр иллюстрирует это следующим образом. Как мы помним, Аристотель говорил о трубке (αὐλός) и материи, сравнивая при этом трубку с вином, а материю с водой.³¹ У Александра трубка превращается в кишку, а жидкость, протекающая сквозь нее, именуется то вином (οἶνος), то водой (ῥόδωρ), то просто жидкостью (ὑγρόν). Кишка (ὁ στήλην), через которую течет жидкость, сохраняет те же очертания (σχήμα), хотя в зависимости от объёма протекающей через неё жидкости, то сжимается, то расширяется. При этом возрастающим является не подлежащее (вода), ибо вода не имеет идентичности. Напротив, форма, обладающая устойчивостью (идентичностью), допускает расширение и сжатие (т. е. может быть возрастающей). Схожим образом, продолжает Александр, у живых существ возрастающим является эйдос (εἶδος). Материя течёт сквозь живое существо, и в зависимости от её количества эйдос то уменьшается, то возрастает, но сохраняет свои очертания (т. е. индивидуальность, идентичность). Тот же самый эйдос изменяется по количеству (становясь то большим, то меньшим), как и очертания кишки меняются (сжимаясь и расширяясь), но сохраняют идентичность (остаются устойчивой):

«Это как если кто-нибудь представит, что вино (οἶνον) течет через некую кишку, которая благодаря своей гибкости и податливости сохраняет то же самое **очертание** (τὸ σχῆμα ταύτων), и всякий раз, когда жидкости (ὑγρόν), текущей через нее, становится меньше, кишка сжимается, но сохраняет **очертание** (τὸ σχῆμα σώζοντος) относительно уменьшившегося объёма (ὀκωφ), а когда жидкости больше – расширяется во все стороны и вмещает больший объём. Ибо как применительно к этой кишке **возрастающим** (τὸ αὐξανόμενον) является не **вода**, поскольку вода не сохраняет своего начала (τὴν ἀρχὴν οὐδὲ ὑπομένει), но становится чем-то иным, то большим, то меньшим, но **очертание** относительно воды пребывает устойчивым (ἔστι τὸ μένον) и принимает расширение и сжатие, так, следует полагать, происходит и применительно к естественно возрастающим. Ибо материя, к которой относится **возрастающий эйдос** (τὸ αὐξόμενον εἶδος), с необходимостью в разное время иная из-за непрерывности оттока (ἀποκρίσεις), а **эйдос** при текучей материи (ἐπὶ τῇ ὕλῃ τῇ ῥεούσῃ), – аналогично **очертанию** кишки, – уменьшается, когда материи становится меньше, но возрастает, когда приток (προσκρίσεις) материи становится больше, при сохранении собственного очертания (τῆς τοῦ οἰκείου σχήματος). Тот же самый **эйдос** (τὸ ταῦτον εἶδος) при увеличении материи [становится] больше, чем

остаётся тем же...»

³¹ Mugler 1966, Arist., *De gen. et corr.* 322a 28–33.

при её уменьшении, как и **очертание** кишки, вследствие гибкости, меняется вместе (συμμεταλίπτοντος) с тем, что через неё течёт».³²

Как мы видим, Александр разводит эйдос/форму и очертание (σχήμα). В дальнейшем – у Оригена, Филопона, Симпликия – рассуждение о форме и идентичности растущего продолжатся, встраиваясь в иные контексты, но важно, что проблематика и ряд приводимых примеров, будучи заданы Аристотелем и Александром Афродисийским, будут последовательно воспроизводиться не только представителями перипатетической традиции, но неоплатониками и христианскими богословами.

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

- Bruns, I., ed. (1892) *Alexandri Aphrodisiensis De mixtione*, in: *Alexandri Aphrodisiensis praeter commentaria scripta minora*. Berlin.
- Bruns, I., ed. (1892) *Alexandri Aphrodisiensis Quaestiones 1, 5*, in: *Alexandri Aphrodisiensis praeter commentaria scripta minora*. Berlin.
- Burnet, J., ed. (1900; repr. 1967) Plato, *Cratylus*, in: *Platonis opera*, vol. 1. Oxford.
- Burnet, J., ed. (1900; repr. 1967) Plato, *Phaedo*, in: *Platonis opera*, vol. 1. Oxford.
- Burnet, J., ed. (1901; repr. 1967) Plato, *Symposium*, in: *Platonis opera*, vol. 2. Oxford.
- Burnet, J., ed. (1900; repr. 1967) Plato, *Theaetetus*, in: *Platonis opera*, vol. 1. Oxford.
- Diels, H.; Schubart, W., eds. (1905) *Anonymi Commentarius in Platonis Theaetetum* (fort. auctore Eudoro Alexandrino). Berlin.
- Diels, H.; Kranz, W. eds. (1951; repr. 1966) Heraclitus, *Fragmenta*, in: *Die Fragmente der Vorsokratiker*, vol. 1. Berlin.
- Goulet, R. (1989) “Alcimos”, *Dictionnaire des philosophes antiques*, vol. I. Paris.
- Kaibel, G., ed. (1899) *Epicharmi Comicoorum Graecorum fragmenta*. Berlin.
- Long, H., ed. (1964; repr. 1966) *Diogenis Laertii vitae philosophorum*, 2 vols. Oxford.
- Mugler, C., ed. (1966) Aristoteles, *De generatione et corruptione*. Aristote. De la génération et corruptione. Paris.
- Pohlenz, M., ed. (1929; repr. 1972) *Plutarchi De sera numinis vindicta*, in: *Plutarchi moralia*, vol. 3. Leipzig.
- Sharples, R. W., tr. (1992) *Alexander of Aphrodisias: Quaestiones 1, 1–2, 15*. London.
- Vitelli, H., ed. (1897) *Ioannis Philoponi in Aristotelis libros de generatione et corruptione commentaria*, in: *Commentaria in Aristotelem Graeca*. Berlin.
- Апт, С. К., пер. (1993) Платон, *Пир*, в: *Собрание сочинений в 4-х тт.*, т. 2. Москва: 81–134.
- Афонасин, Е. В., пер. (2015) Дикеарх, *О душе*, в: *Платоновские исследования II* (2015/1). Москва – Санкт-Петербург: 226–243.
- Васильева, Т. В., пер. (1990) Платон, *Кратил*, в: *Собрание сочинений в 4-х тт.*, т. 1. Москва: 613–81.
- Маркиш, С. П., пер. (1993) Платон, *Федон*, в: *Собрание сочинений в 4-х тт.*, т. 2. Москва: 7–80.

³² Alexander, *De mixtione* 237,28 – 238,10, перевод наш.

Миллер, Т. А., пер. (1981) Аристотель, *О возникновении и уничтожении*, в: *Собрание сочинений в 4-х тт.*, т. 3. Москва: 379–440.

ЛИТЕРАТУРА

- Anscombe, E. (1953) “The principle of individuation,” *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes* 27, 83–96 [repr.: J. Barnes, J.; Schofield, M.; Sorabji, R. eds. (1979) *Articles on Aristotle*, vol. 3, p. 88–95].
- Kupreeva, I. (2004) “Alexander of Aphrodisias on Mixture and Growth”, *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 27, 297–334.
- Lloyd, A. C. (1972) “Aristotle and the Principle of Individuation,” *Mind* 79 (316), 519–29.
- Petroff, V. (2005) “Eriugena on the Spiritual Body,” *American Catholic Philosophical Quarterly* 79.4, 597–610.
- Rashed, M. (2005) “Introduction”, in: *Aristote. De la génération et la corruption*, texte établi et traduit par Marwan Rashed. Paris, p. vii–cclv.
- Петров, В. В. (2002) «Учение Оригена о теле воскресения и его влияние на богословие Григория Нисского и Иоанна Эриугены», *IX Рождественские Образовательные Чтения. Богословие и философия: аспекты диалога. Сборник докладов конференции* (25.01. 2001, Иститут философии РАН), под ред. В. К. Шохина. Москва: 22–58.
- Петров, В. В. (2005а) «Ориген и Дидим Александрийский о тонком теле души», *Диалог со временем* 15, 37–50.
- Петров, В. В. (2005б) «Тело и телесность в эсхатологии Иоанна Скотта», *Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы)*, общ. ред. П. П. Гайдено и В. В. Петрова. Москва: 633–756.
- Петров, В. В. (2005в) «Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции», *Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы)*, общ. ред. П. П. Гайдено и В. В. Петрова. Москва: 577–632.
- Петрова, М. С. (2015). «Круг чтения Макробия», *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*. Москва: 55–96.